

Глава 1

Лучи солнца были беспощадны, заливая диван, который Каспиан называл своей постелью. Омега свернулся в комок, пытаясь защититься от них и сохранить остатки сна, но это было невозможно.

Вся комната была залита светом, телевизор орал какой-то спортивный канал, а Ноа, его пара, грохотал музыкой где-то в квартире.

Он рухнул на спину, уставившись в потолок, бледно-золотистые волосы падали на глаза, ноги свисали с подлокотника дивана.

Он спал на этом диване последние три года, но так и не привык к его тесноте — спина и шея нещадно ныли.

Не помогло и то, что прошлой ночью он не смог лечь рано — Ноа решил устроить вечеринку, и ему даже не дали возможности выспаться. Живот Каспиана заурчал, заставив его поморщиться еще сильнее от напоминания, что он не ужинал.

Ему не разрешали есть вместе со Стаей, потому что какие-то важные шишки говорили, что его присутствие портит им аппетит. Его это не волновало — он сам предпочел бы не есть с ними, — но из-за этого его порцию так легко было пропустить.

На общей кухне в его квартире с Ноем было абсолютно пусто, и когда он предложил забить её продуктами, чтобы можно было готовить, его идею быстро отвергли.

Говоря о Ное — альфа шагнул в гостиную без футболки, с полотенцем на шее, в одних спортивных штанах.

Тёмные волосы были влажными, чёрные глаза — равнодушными: «Чтобы через полчаса тебя здесь не было», — бросил он пренебрежительно, направляясь к двери.

Каспиана вдруг охватило странное желание рассмеяться: он знал, что единственная причина, по которой Ной согласился стать его парой, — чтобы его родители могли управлять Стаей, но он искренне недоумевал, зачем они вообще устраивали всю эту возню, ведь он всё равно никак не мог им помешать.

Он прикрыл глаза ладонью, улыбка погасла: ему сообщили, что после совершеннолетия он станет парой Ноя, когда ему было пятнадцать, — и это случилось сразу после того, как он узнал, что его родители погибли в автокатастрофе.

У Каспиана не было выбора во всём этом, у него никогда не было выбора.

Он заставил себя подняться и поплёлся в гостевую ванную, которая была совершенно не приспособлена для душа.

Ной запретил ему пользоваться главной ванной, сказав, что не хочет, чтобы Каспиан провонял её своим запахом.

Он быстро привел себя в порядок, натянул старую потертую рубашку и выцветшие джинсы — лучшее, что у него было, и расчесал свои слегка длинные волосы.

Каспиану был двадцать один год, но у него не было своих денег, поэтому он не мог купить себе ни-че-го — та одежда, что была на нем сейчас, та же самая, что и в пятнадцать лет.

Он не знал, стоит ли огорчаться, что почти не вырос с тех пор, или радоваться — ведь это значило, что он всё еще может влезть в свои шмотки.

Единственным нарядом, который ему раздобыли, был тот самый костюм, в котором он женился на Ное, — но он скорее выбежал бы на улицу в одних трусах, чем надел его снова.

Он перекинул потёртую сумку через плечо, засунув туда книгу, которую читал, старый треснувший телефон, и по привычке вытащил свою старенькую копилку.

Раньше он брал оттуда немного денег, но когда слишком быстро осознал, что ему запрещено работать и у него нет доступа к наследству, он стал беречь каждую копейку из тех жалких грошей, что у него остались.

Вещи Каспиана были заперты в кладовке, и он знал: если бы она была достаточно большой, Ной заставил бы его спать прямо там.

Он ступил в гостиную, снова спрятав свою копилку — деньги внутри лежали нетронутыми. Когда он направился к двери, взгляд зацепился за что-то, торчащее из-под статуэтки у телевизора: это была стодолларовая купюра.

Он не почувствовал ни капли вины, взяв её, и бесшумно выскользнул из квартиры. Он знал, что происходит в те дни, когда Ной просил его уйти из дома — тот приводил женщин.

Он знал это, потому что они обычно оставались на ночь, так что он встречал их лично; их тяжелый аромат витал в воздухе, а разбросанная по гостиной одежда не оставляла сомнений.

Он медленно побрел по коридору, выискивая пустую комнату, где мог бы спокойно просидеть несколько часов. Он был голоден, но сейчас на кухне будет слишком много народу — придется ждать до позднего утра, чтобы поесть.

Каспиану не разрешали покидать Дом Стаи — так было с тех пор, как погибли его родители, но когда он не нашел ни одной свободной комнаты, то оказался в подсобке на первом этаже.

Одна из задних дверей была прямо рядом с ней — он мог легко уйти сейчас, и никто не заметит. Конечно, если он столкнется на улице с кем-то из стаи, его остановят, но он предпочел бы не оставаться в подсобке: туда приходило слишком много людей, и не для того, чтобы воспользоваться инструментами.

Наверное, он мог бы уйти из Стаи давным-давно, но не знал, куда податься, так что даже сейчас, когда он крался наружу тайной тропой, которой пользовался подростком, чтобы добраться до города, он знал, что вернется.

У него ничего не было за пределами Лунной Стаи, он ненавидел жизнь, к которой был принужден, но не мог уйти — он был в ловушке.

<http://bllate.org/book/17661/1645744>